

В тот год, когда Чэнь Юй очнулся, его облик цзяожэня уже исчез, и он никогда не узнавал о своём происхождении. Теперь, оказавшись в Пруды Превращения в карпа, он столкнулся с почти идентичной ситуацией: его облик цзяожэня проявился снова. Сможет ли он вспомнить прошлое?

Чэнь Юй кивнул и тихо произнёс:

— Да, после того как я упал в море, на моём теле появились чешуйки, как сейчас, а потом я снова стал человеком.

— Отец, я снова вернусь к своему обычному виду, правда? Мне не нравится то, как я сейчас выгляжу.

Рука Чэнь Юя скользнула по одеялу, и ощущения были странными. Даже зная, что он снова станет человеком, он всё равно внутренне сопротивлялся своему нынешнему состоянию.

— Всё будет хорошо, Юй, не бойся... — Чэнь Дуаньли мягко успокаивал, похлопывая ребёнка по спине через одеяло, как много лет назад, когда Чэнь Юй, упав в море, мучился кошмарами.

Разговор в комнате был тихим. Пока они беседовали, Чэнь Фань и Чжао Юшэн незаметно подошли ближе. Оба прислушивались, хотя и не могли разобрать каждое слово, но, основываясь на отрывках и домыслах, легко догадались о содержании разговора.

Пока они тайно слушали, Чэнь Фань то и дело бросал на Чжао Юшэна сердитые взгляды, намекая, чтобы тот ушёл, но тот и не думал сдвинуться с места.

Чэнь Фань не знал, сколько Чжао Юшэн уже знает. После того как Чэнь Юй упал в пруд, именно он спас его, и, вероятно, видел всё, что нужно. Но это было дело их семьи Чэнь, и он не хотел, чтобы в него вмешивались посторонние.

Сейчас, глядя на спокойное лицо Чжао Юшэна, Чэнь Фань почувствовал, что тот, вероятно, знает всё. Слухи о том, что Чэнь Юй — сын цзяожэня, ходили уже много лет, и Чжао Юшэн, несомненно, слышал их.

— Ты ещё не ушёл? До каких пор собираешься подслушивать? — Чэнь Фань шепотом прогнал Чжао Юшэна.

Дела их семьи Чэнь не касались человека с фамилией Чжао.

Чжао Юшэн сменил позу. Он прислонился к борту корабля, вытянув длинные ноги, и скрестил руки на груди.

— Что, корабль ещё не причалил, а ты, старший брат Чэнь, уже хочешь сбросить меня за борт?

Чэнь Фань всегда раздражался из-за его дерзкого и вызывающего поведения, но сейчас ничего не мог поделать и только язвительно ответил:

— Ты много подслушал, старший брат Чжао. Какие у тебя мысли?

— Мне больно.

Слова Чжао Юшэна явно ошеломили Чэнь Фаня. Пока он пытался понять, не ошибся ли он, другой уже ушёл.

[Система]: Юшэн: Не плачь, мне больно.

[Система]: Чэнь Фань: Эй, кто-нибудь, выбросьте его за борт!

Когда корабль причалил, Чэнь Дуаньли велел слугам вернуться и вызвал носильщиков, чтобы те принесли паланкин для Чэнь Юя.

На пристани было шумно и многолюдно. Чжао Юшэн стоял на носу корабля, погружённый в размышления.

— Юшэн, я слышал от старшего брата Фаня, что ты повредил руку. Как твоя рана?

Чэнь Дуаньли вышел из каюты и увидел, что Чжао Юшэн ещё не ушёл домой. Он посмотрел на его опущенную левую руку, на рукаве не было следов крови, но он боялся, что могла быть повреждена кость. Чэнь Дуаньли слышал от Чэнь Фаня, что Чжао Юшэн повредил руку, когда защищал Чэнь Юя от братьев Цинь. Цинь Эр был избит до синяков, а Цинь Да потерял сознание.

Чжао Юшэн поднял руку, показывая, что всё в порядке.

— Сейчас уже не болит, это просто царапина.

— Нужно срочно найти врача, нельзя затягивать.

Хотя он говорил это так спокойно, Чэнь Дуаньли всё равно настаивал.

— Скоро пойду.

Чжао Юшэн пока не собирался сходить с корабля.

Его выражение было бесстрастным, и многие его поступки не соответствовали поведению шестнадцатилетнего юноши. Но, с другой стороны, он был полон юношеского задора, избив братьев Цинь.

— Прежде чем избить братьев Цинь, ты думал о последствиях?

Слухи о том, что Чжао Юшэн любит драки и провоцирует ссоры, ходили давно. Чэнь Дуаньли знал, что он не был таким безрассудным. Сегодня он публично избил братьев Цинь, и на пристани это видели бесчисленные глаза. На этот раз он действительно поступил опрометчиво.

Чжао Юшэн ответил:

— Думал.

— Семья Цинь, вероятно, пожалуется в Школу императорского клана.

Чэнь Дуаньли беспокоился за него. Даже будучи потомком императорского рода, за то, что он публично избил людей, его могли наказать, а в худшем случае исключить из Школы.

Чжао Юшэн спокойно ответил:

— Я нарушал правила много раз, вероятно, меня посадят на несколько дней в карцер.

Он знал последствия и был готов к ним ещё до того, как начал действовать.

— Если учителя Школы будут допрашивать о причинах, я могу лично выступить свидетелем.

Чэнь Дуаньли мог заступиться за Чжао Юшэна, если ситуация действительно станет настолько серьёзной, что его исключат.

— Моё дело — мелочь.

Чжао Юшэн посмотрел в сторону каюты. Его волновала только одна вещь.

Чэнь Дуаньли знал, что он имеет в виду Чэнь Юя. Учитывая, что Чжао Юшэн спас его, он, вероятно, видел его облик цзяожэня, и Чэнь Дуаньли не видел смысла скрывать это.

— Юй через несколько дней восстановится.

— Юшэн, это касается всей его жизни, пожалуйста, сохрани это в секрете.

Голос Чэнь Дуаньли был тихим, но полным просьбы.

Чжао Юшэн ответил:

— Капитан Чэнь, не беспокойтесь, я никому не расскажу.

Чэнь Дуаньли верил, что Чжао Юшэн не станет распространять слухи. Судя по тому, как он спас Чэнь Юя и тщательно укутал его, это было очевидно. Чэнь Юй был ещё молод, и в его жизни будет много друзей, но этот человек, несомненно, станет тем, кому он сможет доверять всю свою жизнь.

Во многих вещах Чэнь Дуаньли был прозорлив, но он точно не мог представить, что этот человек станет спутником жизни его сына.

Впереди спешно несли паланкин — это был транспорт для Чэнь Юя. Ци Шичан поддерживал шест паланкина, бежал вместе с носильщиками, проявляя большое усердие.

Чэнь Дуаньли вернулся в каюту и вскоре вынес Чэнь Юя. Тот был укутан с головы до ног в одеяло, а Чэнь Фань следовал рядом, не позволяя никому приблизиться. Чжао Юшэн приподнял занавеску паланкина, и Чэнь Дуаньли уложил Чэнь Юя внутрь. Чэнь Юй молча прислонился к стенке паланкина. Чэнь Дуаньли вышел, а Чжао Юшэн опустил занавеску, окутав себя ею. Он наклонился, прижавшись к Чэнь Юю, и через одеяло коснулся его руки. Чэнь Юй нервно отдернул руку и отодвинулся вглубь паланкина. После мгновения замешательства он робко спросил:

— А Шэн?

Чжао Юшэн не произнёс ни слова, и непонятно, как Чэнь Юй, не видя его, смог узнать.

— Это я.

Чжао Юшэн ответил и снова положил руку на руку Чэнь Юя. Хотя между ними было одеяло, он почувствовал, как рука Чэнь Юя слегка дрожит.

— Не бойся, всё будет хорошо.

— Когда ты поправишься, я навещу тебя.

Чэнь Юй открыл глаза под одеялом. Он не видел лица Чжао Юшэна, но, казалось, уже представил его. Его нос слегка задрожал, и он тихо произнёс «угу», кивнув.

Он был рад. А Шэн спас его из пруда, несомненно, видел его уродливый облик, но не испытывал отвращения или страха, обращаясь с ним по-прежнему тепло.

Его слова успокоили тревогу Чэнь Юя гораздо лучше, чем все утешения его отца за весь день.

Чжао Юшэн вылез из паланкина, опустил занавеску, и носильщики сразу же подняли его, плавно начав движение. Они уносили Чэнь Юя всё дальше.

Смотря, как красный паланкин исчез за каменным мостом, скрытый прохожими, Чжао Юшэн подумал, что не знает, когда они снова увидятся.

Он предотвратил то, что должно было случиться с Чэнь Юем в прошлой жизни, и теперь их жизненные пути, возможно, изменятся.

Покинув пристань, Чжао Юшэн не пошёл прямо домой. Он один отправился в известную клинику на востоке города, чтобы показать рану врачу. Старый врач, расспросив о деталях травмы, осмотрел его руку и сказал, что кость не сломана, выписав ему порошок для прикладывания.

К счастью, благодаря плотной зимней одежде и крепкому телосложению, удар палкой не сломал его плечевую кость, хотя на руке остался большой синяк, выглядевший пугающе.

После обработки раны в клинике Чжао Юшэн, как ни в чём не бывало, вернулся домой, скрыв травму, чтобы не беспокоить мать. Что касается избиения братьев Цинь, она рано или поздно узнает.

В ту же ночь, когда братья Цинь были избиты, их отец повёл сыновей к учителю Школы императорского клана с жалобой. Хотя семья Цинь была обычными богачами, их отец был умным и решительным человеком, не склонным молчать.

На лице Цинь Эра были синяки и шрамы, он выглядел действительно жалко. Цинь Да, который уже был в порядке, снова обмотал голову тканью, изображая рану. Отец и сыновья яростно жаловались учителю на жестокость Чжао Юшэна.

Как только семья Цинь ушла, учитель Школы сразу же послал за Чжао Юшэном, чтобы спросить, действительно ли он избил братьев Цинь. Чжао Юшэн спокойно признал это.

Он осмелился на такой поступок, будучи готовым к наказанию.

Правила Школы строго запрещали драки, будь то внутри или вне её стен. Чжао Юшэн был неоднократным нарушителем.

Неисправимый и публично избивший двух человек, он заслужил серьёзное наказание. Учитель Школы решил строго наказать Чжао Юшэна, отправив его в карцер Школы для размышлений о своих поступках на десять дней.

<http://bllate.org/book/15279/1348807>